

Е.И. ЛУТОВИНОВА
(Москва)

МОТИВ ЧУДЕСНОГО РОЖДЕНИЯ ГЕРОЯ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ («МАЛЬЧИК И ВЕДЬМА»)

В русской фольклористике сравнение вариантов сюжета или группы родственных сюжетных типов — один из основных путей изучения сказки. Сопоставление конкретного варианта с рядом аналогичных, составляющих сюжетный тип, по сути являющийся инвариантом, с одной стороны, соотнесение и интегрирование рассматриваемых объектов с метасистемой традиции — с другой, позволяет глубже изучить принципы формирования сюжетных типов, подтипов и жанровых разновидностей сказки.

Принципиальной для понимания процесса классификации и типологизации сказок является проблема выделения сюжетного типа в связи с особенностями функционирования героя. Сюжетный тип — это формальная категория сравнительного сказковедения, необходимая при анализе материала на межтекстовом уровне. Выделение сюжетного типа должно быть основано на подробном изучении конкретных текстов, объединенных одной темой и одним способом ее раскрытия. В качестве рабочего мы предлагаем следующее определение: *сюжетный тип — это характерная для группы родственных текстов форма композиционной организации действий, поступков героев одного типа в специфическом пространстве и времени.*

В сказке обычно действует несколько персонажей. Они представляют собой иерархическую систему, главное место в которой всегда занимает антропоморфный герой/героиня. В центре сказочного повествования находятся его отношения с другими персонажами и окружающим миром. А.И. Никифоров, утверждая ведущую роль героя, писал: «Являясь композиционным стержнем сказки, главный герой присутствует в ней постоянно: с ним начинается, продолжается и кончается сказка; другие персонажи — его по-

мощники и противники — вводятся в повествование эпизодически и только в связи с деятельностью ее главного героя» [Никифоров 1928, 240].

Внутри каждого сказочного сюжета тип героя остается неизменным, статичным и передается исполнителю традицией «по наследству». Принципиальную значимость для исследования сказки имеют не только традиционные функции героя, но и конкретные проявления его действий, его социальный статус, характер конфликта и даже тип его противника. Однолинейный сюжет предполагал рассказ об одной судьбе, вокруг которой группировались другие сюжетные ходы, что было обусловлено устным характером исполнения сказок. Не случайно именно тип героя определял ход сюжета и структуру отношений в сказке.

Проблема систематизации и анализа русской волшебной сказки по типу героя была сформулирована А.И. Никифоровым, предложившим классифицировать сказки, исходя из «основного целеустремления главного героя». Он видел различия в целеполагании героев и отмечал их гендерные характеристики, говорил о наличии сказок мужских, женских и нейтральных [Там же, 176]. Однако данная идея, к сожалению, не получила должного развития.

Говоря о типах героев русской волшебной сказки, следует подчеркнуть разнообразие подходов к этой теме. У большинства исследователей основания для выделения типов героев различны:

- степень активности (герой-жертва, герой-искатель [Мелетинский 1958]);
- социальный статус («низкий» и «высокий» герой [Пропп 1969]);
- физическая сила (змееборец, богатырь [Новиков 1974]);
- уровень духовности (от кабацкого голи, воров, бездельников до бессребреника, «вещего» [Трубецкой 1995]);
- способность к ироничности, шутовству («иронический удачник» [Новиков 1974]; трикстер, плут [Новик 1975]);
- возраст (герой-ребенок [Власова 1990; Добровольская 2001]);
- гендерный признак (герой/героиня [Лутовинова 1998]).

Опираясь на существующие в науке типологические схемы, можно предложить еще одну, как нам представляется, наиболее обобщенную модель, основан-

Народная сказка: образная, сюжетная и жанровая специфика

ную на разграничении типа художественного мира, характера акций героя в сюжетном континууме, половозрастных особенностей героев, типа нравственного идеала. На наш взгляд, следует говорить о наличии в русской сказочной традиции трех основных типов героев: *архаического, богатырского* и *«созидающего»*. Эти типы героев были сформированы мироощущением, мировосприятием и мировоззрением, господствовавшими в определенные исторические эпохи. В их поступках нашли отражение особенности картины мира, отношений внутри социума и т.п.

В данной статье будет рассмотрено влияние типа героя на тип сюжета на примере сказок «Мальчик и ведьма». Герои архаического типа имеют антропоморфный облик. Это по преимуществу дети — маленькие девочки или мальчики, как правило, рожденные чудесным образом. Герои могут быть разделены на две основные группы — 1) те, которые проходят испытание (сюжетные типы СУС 327 С, F *Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка)* и *ведьма*, некоторые контаминированные варианты СУС 703* *Снегурочка*, СУС 314А* *Бычок-спаситель* и др.) и 2) те, которые не могут его пройти и погибают (СУС 703* *Снегурочка*, СУС — 402*** *Девушка-уточка* и др.). Тексты этих сказок, как правило, довольно короткие. Конфликт возникает между героем и антагонистом, живущим в лесу. Фабульный остов довольно прост, сюжет состоит из трех эпизодов, лишь иногда происходит усложнение за счет контаминации с другими сюжетными типами.

В перечисленных сказках важную роль играет *мотив чудесного рождения*. Характерный в большей степени для сказок с архаическим и богатырским типами героев, он является своеобразным указателем (маркером) их древности¹. Он встречается во всех сказочных традициях народов мира. Этот мотив очень ва-

¹ Сравнительному анализу образов великанов и карликов, богатырей и маленьких героев европейской эпической поэзии А.Н. Афанасьев посвятил целую главу своего труда «Поэтические воззрения славян на природу». Истоки этих образов ученый видел в древних пластах культуры [Афанасьев 1994].

жен для понимания архаических представлений, лежащих в основе культуры. Рождение нового человека, продолжателя рода считалось большой ценностью для любого социума, начиная с глубокой древности. По нашим наблюдениям, ребенок в сказочной семье является главной ценностью. Герои многих сказочных сюжетов стремятся найти такую невесту, которая родила бы здоровых жизнеспособных детей.

Мотиву чудесного рождения героя обычно предшествует бездетность супругов, как правило, стариков. В.Я. Пропп так оценивал ее место в сказочном повествовании: «С точки зрения формальной мотив бездетности есть эпическое распространение начальной ситуации. С точки зрения же идейно-художественной, это выражение народного стремления к тому, чтобы иметь детей» [Пропп 1984, 201—202]. В большинстве сказок она только констатируется, а иногда, как, например, в сказке «Сучевич, Королевич и Куфаревич» мотив бездетности разработан и представлен довольно подробно: «*Был царь. Сам он с царицей не работали ничего. И его по всему [свету] было, ну, половина земного шара имел! А детей у его не было. У их детей не было, а ребенка ему надо было, чтобы што не стало. Он в больницу ее свозил, везде проверили, и везде она была. Нету ребенка и всё.*

Он пошел по деревенским докторам — по бабушкам, по дедушкам. Всё объездил везде, все округи. Один ему сказал мужчина старой-престарой, што “вот такое дело, будет ярманка в селе в вашем, в городе. Приедет мужик продавать рыбу, привезет золотую рыбку. Ты должен самой первой придти на базар и эту рыбку купить”» [Востриков 1997, 26].

Лишь в редких случаях чудесному рождению героя мотив бездетности не предшествует. Так, в сказке «*Иванушко служанкин сын*» беременность девиц — царских дочерей произошла случайно от съеденных ими яиц: «*Жил-был царь, у его было три дочери. Оне пошли на реку купаться и бродить рыбу. Рыбы не набродили, а выбродили три золотых яичка. И принесли, показывают своёму отцу, папе. Он говорит:*

— *Вы не ешьте эти яйца, положьте их на божницу.*

Оне не послушались, взяли съели. И вот забеременели и принесли все по Иванушку,

по парню, и назвали всех Иванушкой» [Востриков 1997, 13].

Мотив чудесного рождения героя русской волшебной сказки рассматривался исследователями в основном в связи с образами героев-богатырей. Земная женщина съедает рыбу, горошину, ягоды и т.п., от этого происходит зачатие, а затем и рождение ребенка. Иногда герой рождается чудесным образом в результате сожительства человека с медведем или медведицей [Новиков 1974, 27–78].

В.Я. Пропп неоднократно обращался к мотиву чудесного рождения и считал, что «фольклорный материал, объясненный через сопоставление с фактами какой-то бытовой, культовой обрядовой действительности, может со своей стороны внести некоторую ясность и в этот исторический материал» [Пропп 1976, 205]. Он рассмотрел многочисленные этнографические источники, относящиеся к разным стадиям общественного развития, и показал, из чего формируется такое разнообразие художественных реализаций этого мотива в разных сюжетных типах. В статье «Мотив чудесного рождения», впервые опубликованной в 1941 г., ученый перечислил виды и способы чудесного рождения (зачатие от плода, рождение от наговоров, рождение от выпитой воды, рождение как возвращение умершего, рождение из печени, рождение от съеденных останков, рождение от рыбы, сделанные люди и т.п.). В их основе, по мнению ученого, заложены представления, связанные с тотемизмом, с живительной силой растительной природы. Некоторые мотивы восходят к мифам о создании первых людей [Пропп 1976, 205–240].

Развивая пропповскую классификацию, В.Е. Добровольская отметила, что «чудесные предметы-эмбриогены хранятся в печи или за ней, а также в домашней утвари, связанной с приготовлением и выпеканием хлеба» [Добровольская 2002, 20].

По нашим наблюдениям, в русских волшебных сказках появление детей у бездетных родителей происходит еще несколькими способами, не указанными В.Я. Проппом. Прежде всего, следует упомянуть сюжетный тип, обозначенный в СУС — 402А*** *Девушка-уточка*: «дед и баба находят хроющую (кривую) уточку, которая превращается в девуш-

ку; они сжигают ее перья, она исчезает». Составители СУС отметили два варианта этого сюжетного типа, мы обнаружили еще три в новейших изданиях [Журова 1990, 271 (№ 19); Морохин 1993, 86; Курдин 2002, 121–122].

Кроме того, с уточкой, в которую злая ведьма превратила княгиню, связан еще один способ чудесного рождения — из яиц уточки: «А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хороших, а третьего — заморыша» [Курдин 2002, 119–120, 120–121]. В некоторых вариантах дается уточнение, что из яиц появляются не утята, а ребята: «...и деточки ее вышли — ребяточки; она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники шивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок» [Афанасьев 1957, 325 (№ 265)]. Этот известный сюжет обозначен в СУС 403 *Подменная жена* — 25 вариантов, нами зафиксированы еще два. Дети появляются и из яиц жар-птицы, найденных стариком в лесу: «Жили-были старик со старухой. Детей у них не было. Как-то раз пошел старик лесовать и увидел в лесу жар-птицу. Подошел он к ней поближе, а она заметила его и улетела. Видит: на ветке гнездышко, а в нем десяток яиц жар-птицы. Понес он это гнездышко домой, да по дороге запнулся и выронил его. Разбились яички, и из них вдруг вышли десять красивых молодцев. Поклонились они старику и говорят: “Здравствуй, тятя! Веди нас домой!”» [Шуклина 1999, 28–29]. В сказке «Сорок Иванушек» старик находит сорок яиц жар-птицы, которые «выпаривает» его старуха. Так у стариков появляется сорок сыновей [Востриков 1997, 38–43]. Иногда яйца дают бездетным родителям.

В русской сказочной традиции есть сюжетные типы, в которых бездетные родители делают антропоморфные объемные фигурки девочек или мальчиков из подручного материала (снега, дерева, глины и т.п.)². Желание родителей иметь

² Этот мотив имеет архаические корни. Дж.Дж. Фрезер в своей книге «Золотая ветвь» упоминает о гомеопатической магии, которая «использовалась с целью облегчения родов или для дарования потомства бесплодным женщинам. У батаков (остров Суматра) бесплодная женщина, желающая стать матерью, изготов-

детей настолько велико, что энергия этого желания помогает неживой фигурке ожить и превратиться в дитя. Сказки, где действует герой, рожденный таким образом (СУС 327 С, F; 700; 703* и т.п.), вызывают особый исследовательский интерес в связи с их глубокой древностью, с одной стороны, и неплохой репрезентативностью вариантов, с другой. Обратимся к известному сюжетному типу 327 С, F *Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) и ведьма*.

Фабулу этого сюжетного типа можно представить так: ведьма обманом (подражая голосу матери, предлагая яблоко и пр.) заманивает и уносит мальчика. Она велит своей дочери изжарить его. Мальчик засовывает в печь дочь Яги, иногда и саму Ягу. Герой возвращается домой с помощью пролетающих гусей, которые берут его с собой. Здесь представлен герой архаического типа — герой-ребенок, герой-жертва. Его цель — спасение своей жизни, основное испытание — борьба с Бабой-ягой (с помощью хитрости). Особенностью данного типа героя является то, что он борется с антагонистом как с личным врагом, т.е. вредительство антагониста заключается в намерении погубить именно героя, который вынужден (в отличие от героя-змеборца, добровольно идущего на борьбу со змеем) бороться за свою жизнь.

Сюжетный тип «Мальчик и ведьма» представлен в СУС двумя подтипами: С и F, которые, по нашим наблюдениям, могут быть дифференцированы по наличию / отсутствию мотива чудесного рождения, а также по основным характеристикам семьи. Следует отметить, что в СУС эти два подтипа не разделены по вариантам, что затрудняет процесс идентификации записей и отнесения конкретных текстов к тому или другому подтипу.

В СУС содержатся сведения о 53 русских вариантах этого сюжета, опубликованных в различных сборниках. Кроме русских, эти сюжеты имеются в украинских (24 варианта) и в белорусских (13 вариантов) записях. Эти данные сви-

детельствуют о том, что в некоторых вариантах герой делает деревянную куклу, которую держит на коленях, полагая, что это приведет к исполнению ее желания. На островах Барбарского архипелага ... из красной хлопчатобумажной ткани делают куклу, которую женщина заключает в свои объятия, как бы намереваясь кормить ее грудью» [Фрезер 1980, 23–24].

детельствуют о широте распространения сказок среди восточнославянских народов и, вероятно, о едином источнике их генезиса [СУС 1979, 120–121].

Сравнительный анализ вариантов показал еще одно существенное отличие подтипа F: маленький герой — кормилец престарелых родителей, как правило, отправляется из дома на рыбалку. Яркая художественная форма — так называемая песенная вставка, зов матери, приглашающей сына к обеду, — также становится маркером этого сюжетного подтипа:

*Приплынь, приплынь, Ивашечку,
Принесла тебе рубашечку,
И поить, и поить,
И хорошо походить!*
[Матвеева 1993, 148 (№ 9)].

Наряду со сборниками, учтенными в СУС, за последние тридцать лет опубликовано довольно много современных записей, осуществленных в разных регионах России. Эти записи представляют несомненный исследовательский интерес. В процессе изучения сюжетного состава некоторых из новейших сборников сказок, не вошедших в СУС, мы выделили 23 варианта сюжетного типа 327 С, F. Следовательно, сказки этого сюжетного типа не исчезли из живого бытования, о чем свидетельствуют количественные характеристики. Более того, они сохраняют традиционную структуру, устойчиво поддерживают композиционное единство с четко выраженной последовательностью эпизодов и мотивов. Можно говорить лишь о незначительной исторической изменчивости вариантов.

Анализ материала показывает, что подтип С данного сюжетного типа, как правило, не содержит мотива бездетности и, следовательно, в нем не может быть мотива чудесного рождения: «*В одной семье было три брата: большего прозывали Бараном, среднего Козлом, а меньшего — Чуфиль-Филюшка*» [Афанасьев 1957, 173 (№ 108)]; «*В одной избушке жили кот, петух и маленький человек Жихарка. Кот да петух уходили на охоту, а Жихарка оставался дома, обед готовил*» [Морохин 1993, 82]. В этих вариантах семья героя (Чуфиль-Филюшки, Жихарки) отличается от других сказочных семей тем, что родственники — не люди,

а домашние животные. Сам герой имеет антропоморфный облик, он — «маленький человечек». Интересно, что животные — родственники героя — старше, сильнее и умнее его. Они-то и спасают попавшего в беду братца³.

Происхождение имени главного героя, Чуфиль-Филюшки, не ясно, но имя другого героя, Жихарки, встречается в текстах быличек, записанных в Кенозере. Там бытуют представления о Жихаре как о хозяине двора и дома: «*Жихарь — тот же хозяин. Котору любит животину, так сено принесет, а котору не любит — сено заберет. Если совсем не любит животину, колокол (на шею корове) привязывали, так всю зиму с колоколом и стоит*» [Ведерникова 2003, 121]; «*В каждом доме есть хозяин. Потерялась телушка. Мне сказали: “Ты спроси у хозяина”. Вот жихаря надо выманить. Ягод поставил, простокваши налил* (показывает на угол у двери). *Окна все заперты. “Где, — говорю, — телушка?” И вот парень весь в шерсти выскочил, небольшой (показывает рукой), пляшет! — “Твоя телушка цела!”*» [Там же, 118—119].

В одном из вариантов о семье героя нет никаких упоминаний: «*Пошел куда-то Бургилушко и видит: стоит избушка. И в этой избе Бургилушко, и тут пришла Баба-яга*» [Дранникова 2002, 63 (№ 21)]. Отсутствие инициальной формулы и зачина может свидетельствовать о разрушении сюжета, об отходе от сказочной обрядности. Кроме того, в данном тексте присутствует прямое объявление о намерениях антагониста: «*Бургилушко, я тебя съем!*», — что также не характерно для сказок данного сюжетного типа. В конце повествования герой швыряет Бабу-ягу в печь и самостоятельно, без чьей либо помощи, убегает из избушки.

В следующем варианте герой живет в неполной семье: «*Жила мать, у нее был сын Ивашка-Красная рубашка*» [Бердяева 2002, 253—254]. Мать уходила на работу и оставляла сына одного дома. Запрет матери — «*не пускай никого*» — Ивашка нарушил, открыл дверь Бабе-яге. В этом варианте герой не прошел испытание, не сумел спрятаться и сохранить свою жизнь. Его никто не спас от Бабы-яги, она «*его схватила, в котле*

³ В этом можно усмотреть следы тотемических представлений.

сварила и съела». Здесь мы видим появление мотива «смерть героя после испытания», который не встречается в этом сюжетном типе, но характерен для многих других (например, СУС 703* *Снегурочка*).

Известно, что повествовательная модель волшебной сказки построена на системе запретов (не покидать убежища, не оставлять дома, не касаться определенной пищи, предметов и т.п.) и их нарушений. Нарушитель запретов несет наказание и становится жертвой враждебных сил⁴. Соблюдение правил сказочной этикетности в поведении героев (даже после нарушения табу) обязательно ведет к счастливому для них концу. Иными словами, своеобразный «кодекс поведения» был воплощен художественными средствами в образах сказочных героев.

Итак, анализ вариантов сказок СУС 327 подтип С показывает, что в них мотив чудесного рождения отсутствует. Однако «нечеловеческая» антропонимия героев — Бургилушко [Дранникова 2002, 63 (№ 21)], Жихарка [Морохин 1993, 82—83], Лукотушка [ЛАА], Филюшка [Курдин 2002, 141—142 (№ 81)], Хвилька-Чвилька [ЛАА] — наводит на мысль о несомненной архаичности данного сюжетного подтипа. Возможно, что и родственники героя — его братья-животные (баран, козел, петух и т.п.), — и он сам связаны с тотемным миром предков. Герой, по всей вероятности, знает что-то заветное, какую-то тайну. Именно эти знания позволяют ему, маленькому мальчику, победить антагониста. Для братьев он младший, потому они и беспокоятся за него, стремятся оградить от мно-

⁴ Тотемическое сознание выработало определенные нормы поведения людей, выражавшиеся в системе табу. Как известно, табу означает религиозно-магический запрет, нарушение которого влечет за собой смерть или болезнь, посылаемые богами или другими сверхъестественными силами. Табуированию подвергались не только предметы, растения, животные, люди, но и отношения в социуме. Основной страх первобытного человека — нарушить табу, которые жестко регулировали все стороны жизни и господствовали над ними. «Правильное поведение» было заранее определено племенными институтами и строго соблюдалось всеми членами общества [Фрейд 1998, 16—183].

гочисленных опасностей. Отсюда и мотивировки всевозможных запретов, которые непременно нарушаются. Изменение сказочного финала наблюдаем лишь в сказке «Ивашка-Красная рубашка», записанной в Новгородской области [Бердяева 2002, 253—254]. Сведение повествования к дидактической форме связано с трансформированной для этого сюжетного типа семьей героя (мать — обычный человек) и нетрадиционной, новой формой отлучки матери — уходом на работу. Связь героя с тотемным миром здесь не просматривается, должно быть, поэтому герой, лишенный поддержки чудесных сил, погибает.

Подтип F может также не содержать мотива чудесного рождения, о чем свидетельствует анализ семи вариантов: «Терешечка» [Востриков 1997, 118—120], «Терешенька» [Шуклина 1999, 21—22 (№ 7)], «Ивасик-карасик» [Лутовинова 1997, 101—104 (№ 160)], «Ивашка» [Журова 1990, 249—252 (№ 8)], «Ваня и ведьма» [Бердяева 2002, 186], «Липунюшка» [Курдин 2002, 139—141 (№ 80)], «Тюфешка» [Шуклина 1999, 22—23 (№ 8)]. Однако в большинстве вариантов сюжетного типа 327, подтипа F мотив чудесного рождения и предшествующий ему мотив бездетности всё же присутствуют, о чем свидетельствуют записи сказок, опубликованные как в классических, так и в современных сборниках.

Рассмотрим один из вариантов. Сказка без названия записана в г. Погаре Брянской области учителем Н. Матросовым. Начальная ситуация дает нам представление о бездетности деда и бабы как о самом большом горе, поэтому просьба бабы: «Иди, деду, у лес, да вырубай тельпушок, да зраби калисочку; я буду таго тельпушка калыхать, чи не будя чаго?» — воспринимается как последняя надежда. Дед выполняет ее просьбу, а баба качает чурбан, да припевает:

*Люли, люли, тельпешуку,
Зварю тебе кулешуку —
И ячнага, и смачнага,
Явсынага, прасянага.*

В результате появляется сынок Иванька.

Финальная часть сказки отличается информативностью, описанием событий, последовавших после основного испытания: «*Ти мала, ти багата пажив-*

ши, радители Иванькины памерли, а он и тяперь живе да хлеб жуе, рыбку ловя да добрых людей кормя, и гусак тей з ним. Я сам у Ивашки — надовесь ён свадьбу гуляв — а на той свадьбе скакав, мед-вино пив, в роте не было, а на бараде тьякло» [Афанасьев 1957, 176—178 (№ 109)].

Другой вариант — сказка «Терешечка», записанная в Курской области. Здесь также присутствует мотив чудесного рождения героя: качали колодочку да прибаюкивали [Афанасьев 1957, 183—184 (№ 112)].

В сказке «Зуюшко и Егибиха», записанной в Удмуртии, бездетные старики «...положили в ступу охлопок и начали от безделья сидеть на ступе попеременно, надеясь из охлопка высидеть сынка. Сидели, сидели — и высидели сынка. Дали ему имя *Зуюшко*» [Верещагин 2002, 70 (№ 23)].

Рожденный чудесным образом мальчик — ожившая кукла — в восьми вариантах сюжетного типа 327 F сделан из дерева или глины. Ольховое полено превращается в Олиханка или Олшанко: «*Знаешь, что уж там, ну, Иван, хоть ты уж высеки из ольхового полена Олиханка, да всё же мы тут с тобой посмотрим, да пусть будет у нас хоть ольховый ребенок*». Иван (отец) высек из ольхового полена мальчика, положил на лавку. Утром «*бегают мальчик, ну настолько красивый, что по всей голове звездочки, а во лбу-то месяц светит!*» [Дранникова 2002, 60—61 (№ 19)]. Из липового полена (тюльки) получается Липунюшка [Шуклина 1999, 16—18 (№ 3); 18—19 (№ 4)], а из лутошек — Лутошечка: «*Ну, бабушка, ну, надо што-то делать ведь нам с тобой. Давай я в лес схожу, лутошек надеру. И может быть, из лутошечки ножки сделаем, да ручки сделаем, головку выстрежим. И может, у нас получится мальчишка*» [Востриков 1997, 115—118]. Из глины «стряпают» Глинушка [Востриков 1997, 120—121], Глинушко [Бердяева 2002, 243—245], Глинышек: «*Жили-были старик со старухой. Детей у них не было. Вот и говорит старуха: “Надо хоть Глинышек завести”*. Пошел старик, натаскал красной глины, замесил тесто, сделал колобок. Положил этот колобок в горшочек. Вот прошел целый месяц, и вырос там Глинышек. Как пнет Глинышек горшок, тот и разбился» [Шуклина 1999, 20 (№ 5)].

Рожденный из неживого (глины, дерева и т.п.) материала герой становится

полноправным членом семьи, рода и ничем не отличается от окружающих его людей, кроме своих чудесных способностей ловить рыбу. Он появляется в мире, где господствует «нравственный порядок», а сам факт его чудесного рождения сразу делает мир «идеальным» [Лупанова 1979]. «Элитарность» героя проявляется сразу же после рождения в его пронизательности и прозорливости, в его привязанности к родным, наконец, в его молодости, а значит, и красоте.

Антагонист является из «инога мира», где действуют другие законы, другие нравственные нормы, отличные от тех, которыми руководствуются представители мира «идеального». Баба-яга (Яга-Бура, Яга-баба, Егибова) обманывает героя и уносит его в свое жилище. Герой должен сам, без помощи волшебных сил, наказать противника. Для этого он прибегает к хитрости — прикидывается простачком, глупцом, т.е. надевает «маску незначительности». Герой обладает магическими знаниями, но не показывает этого: хитрость обеспечивает ему успех в борьбе против Бабы-яги. Он пользуется приемом одурачивания, следовательно, применяет «обман против обмана». «Обман есть орудие слабого против сильного, поэтому хитрость в сказке не только не осуждается, но героизируется» [Пропп 1984, 188]. В трехкратном повторении этого обмана, следствием которого является уничтожение (сжигание) врагов героя, видна нечеткость (неопределенность) нравственных ориентиров сказок этого типа. Здесь нравственно то, что способствует выживанию героя, что направлено на продолжение человеческого рода. Жестокость героя оправдана, ведь его ждет смерть — враг хочет изжарить его в печи и съесть⁵.

В рассматриваемых сказках конфликт возникает между героем и «внешним» врагом, здесь еще нет ложного героя. Этот сюжетный тип имеет несложную структуру, лишь в некоторых случаях появляются дополнительные эпизоды. Рассматривая строение данного сюжета, видим, что ведущий мотив развива-

ется через угрозу быть съеденным — ликвидацией этой угрозы (с применением хитрости).

Анализ основного эпизода дает нам представление о том, каким образом герой попадает в жилище антагониста, каково это жилище, где находится. Как правило, в анализируемых сказках Яга живет в лесу. В.Я. Пропп писал, что «лес — постоянный аксессуар яги... Связь обряда посвящения с лесом настолько прочна и постоянна, что она верна и в обратном порядке. Всякое попадание героя в лес вызывает вопрос о связи данного сюжета с циклом явлений посвящения» [Пропп 1986, 57]. Лес четко противопоставлен миру, где живет семья героя. Яга здесь представлена как ведьма-людоедка. Однако она не нежить, а старая злая женщина. Ее зовут на «супрядки» (совместное прядение крестьянок), у нее есть дочери-помощницы. Даже атрибуты Яги — кочерга, метла, заслонка, лопата — подчеркивают ее связь с кухней, очагом.

Далее видно, что угрозе быть изжаренным и съеденным Ягой предшествует заточение героя, его изоляция от внешнего мира. Развитие основного, ведущего мотива — это подвиг героя, проявляющийся в прямом столкновении с антагонистом. Доминирующим признаком героя является не физическая сила, не кротость и трудолюбие, а чудесные знания, бесстрашие и хитрость. Смелые действия ребенка в конфликте с внешним врагом из иного мира, страшной старухой, вероятно, являлись нормой поведения, образцом для подражания, несмотря на их жестокость. Герой наказывает врага, расправляется с ним его же приемами и методами. В этом выражается народная оценка событий, происходящих в сказке. Здесь присутствует древнейший кодекс поведения: «Око за око, зуб за зуб».

Сказки этого сюжетного типа (СУС 327 С, F) давно стали достоянием детской аудитории. Исследователи объясняют это тем, «что в них в наиболее характерной форме отражена специфика детского восприятия, психологические особенности детей младшего возраста» [Власова 1999, 3]. Однако бытование сказки в детской аудитории часто влечет за собой смещение смысловых акцентов, утрату архаических мотивировок.

⁵ Каннибализм как явление далекого прошлого нашел отражение лишь в некоторых сюжетах русских волшебных сказок (СУС 307; 327 А,В; —337 С*; 334; 363; некоторых подтипах 480; 720 и др.).

В русской сказочной традиции мотив оживления глиняного мальчика встречается и в другом сюжетном типе — СУС 2028 *Глиняный Иванушка (Пых-телка)*, где герой «съедает веретено, девочку, мужиков, баб; его разбивают и всех вынимают живыми». В СУС отмечены 20 вариантов этого сюжетного типа, мы обнаружили еще три: *Глиняный мальчик* [Востриков 1997, 122], *Ванюшка из глины* [Курдин 2002, 157—158 (№ 86)] и *Ванька-глиняный* [Шуклина 1999, 20—21 (№ 6)]. Эти сказки не относятся к волшебным, имеют цепевидную структуру, однако разработка мотива чудесного рождения не отличается от предыдущих текстов: «*Жили-были старик со старухой, не было у них детей. Вот старуха и говорит: “Давай из глины вылепим себе сынка”. Пошел старик, набрал глины, слепил сына — ни в сказке сказать, ни пером описать. И назвали своего сынка Ванька-глиняный*» [Шуклина 1999, 20—21 (№ 6)].

Сам герой — глиняный обжора — является антиподом положительного Глинушка, который помогает родителям. Ванька поет свою песенку — исповедь о том, кого он съел:

*Съел я хлеба пять макушек,
Молока пять кадушек,
Дедку с мялкой,
Бабку с прялкой,
Быка с рогами,
Женщин с косами,
Мужиков с топорами!
Кто ни попадется, всех съем!*

Мотив чудесного рождения разработан здесь довольно подробно. Образ Ваньки — пародия на героя волшебной сказки, он восходит к народной смеховой культуре: «*Козел разбежался, да рогами Ваньке в живот. Ванька и разлетелся. Все выскочили из него. А дед с бабкой с тех пор и сыночка не захотели*» [Шуклина 1999, 20—21 (№ 6)].

В.Я. Пропп указывал на связь этого сюжета с земледелием: «Боги создают себе кормильцев, т.е. находятся в положении бездетных родителей. Они создают их перед посевом. Вторая черта — это неудача попытки. Глиняный человек не годится. Глиняный паренек русской сказки напоминает эти неудавшиеся создания. Он съедает своих родите-

лей, а затем глина, из которой он слепан, рассыпается от какого-нибудь толчка». Интересны замечания ученого относительно сравнения степени древности данного сюжета с предыдущим. По его мнению, мотив чудесного рождения из дерева намного старше, чем из глины. Далее исследователь приходит к заключению, что «мотив ребенка, сделанного из дерева или глины, восходит к мифам о создании первых людей. Дерево древнее, чем глина или земля» [Пропп 1976, 233].

Наличие мотива чудесного рождения мальчика характерно и для сюжетного типа СУС 700 *Мальчик с пальчик (Горошек, Воловье ушко)*: герой «чудесно рождается, помогает отцу на пашне; его покупает пан (поп, царь), которому он досаждает; после приключений (действует заодно с ворами, попадает в желудок коровы, волка) возвращается домой». В СУС зафиксирован 21 вариант этого сюжета. Мы обнаружили в сборниках сказок, не зафиксированных в СУС, еще 6 вариантов чудесного рождения героя: сыночка — Липунюшку слепили из теста; обтесали липовое полено [Шуклина 1999, 24—25 (№№ 9, 10)]; Егорушка появился из обрезанного мизинца [Шуклина 1999, 15—16 (№ 2)]; Мальчик-пальчик рождается из отсеченного пальца: «*Однажды старик что-то тесал топором и отсек палец. Палец этот он бросил на полати, и там пролежал он в хламе несколько месяцев. Пришла весна, и старик уехал пахать в поле, а старуха осталась печь ему олашки. Напекла старуха олашков и говорит сама с собой, что некому-де нести старику олашки, детей нет, а самой не хочется. Услышал это с полатей палец старика и говорит, что олашки унесет своему отцу он*» [Верещагин 2002, 24—26 (№ 8)]. Еще одного, без имени, нашли в листьях лопуха [Курдин 1997, 158—159 (№ 87)].

А.Н. Афанасьев, обративший внимание на образ этого сказочного героя в связи с его малым ростом и чудесным рождением, писал: «Оба ... уподобления молнии карлику и пальцу были соединены фантазией в один мифический образ: малый рост карлика стали сравнивать с пальцем на руке, и вот явился мальчик с пальчик или Мизинчик. <...> Это сказочное лицо встречается у всех

индоевропейских народов и, следовательно, принадлежит к кругу тех мифических представлений, за которыми следует признать глубочайшую древность происхождения» [Афанасьев 1994, 738]. Ученый называет героя русской сказки «малолетним вором», перечисляя, сколько он уводит коров, баранов, лошадей и т.п. Маленький герой делает это искусно, но попадает в брюхо черной корове, откуда выбирается, подняв сильный шум [Там же, 741—742]. А.Н. Афанасьев, сопоставляя схожие мотивы и вскрывая таким образом мифологические основы образа маленького героя, приходит к выводу: Мальчик с пальчик — это дитя-молния. Подобная трактовка этого образа, характерная для представителей мифологической школы, показывает стремление автора к доказательству идеи о существовании «основного мифа» в метеорологическом варианте. Однако истоки этого образа могут быть более древними, так как содержат домифологические представления о сотворении человека.

Однако, очевидно, что перечисленные сюжетные типы сказок (327 С, F; 700 и 2028) объединены только мотивом чудесного рождения мальчика. Анализ этого мотива показал как идентичность появления героев, так и различие в их «сказочных деяниях». Несомненно, этот тип героя архаичен, о чем свидетельствует способ его рождения. За ним закреплен определенный возраст и социальный статус: это не мужчина и не добрый молодец, а чаще всего мальчик. Дальнейшая разработка образа обусловлена спецификой сюжета, его функциональным наполнением, что делает этих героев непохожими друг на друга.

Для некоторых сюжетных типов мотив чудесного рождения является сюжетообразующим («Мальчик с пальчик», «Глиняный Ивашка»). В сюжетном типе «Мальчик и ведьма», в подтипе С, этот мотив всегда отсутствует, а в подтипе F этот мотив не только присутствует, но также является сюжетообразующим, очень важным для всего повествования. Как показал сравнительный анализ материалов классических и новейших собраний русских сказок, в результате незначительного разрушения сказочной традиции в некоторых вариантах наблюдается утрата или деформация мотива чудесного рождения.

Источники

- ЛАА — личный архив автора.
 Афанасьев 1957 — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 т. Т. 1. М., 1957.
 Бердяева 2000 — Фольклор Новгородской области: история и современность / Сост. О.С. Бердяева; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2002.
 Ведерникова 2003 — Кенозерские сказки, предания, былички / Вступ. ст., сост., примеч. Н.М. Ведерниковой. М., 2003.
 Верещагин 2002 — *Верещагин Г.Е.* Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 4: Фольклор. Кн. 2: Русский фольклор. Ижевск, 2002.
 Востриков 1997 — Русские сказки Урала (Из фондов Свердловского областного Дома фольклора) / Сост. О.В. Востриков, В.В. Балкова. Екатеринбург, 1997.
 Дранникова 2002 — Архангельские сказки. Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета / Сост. и отв. ред. Н.В. Дранникова. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002.
 Журова 1990 — Долгая жизнь слова: Свадьба, заговоры, сказки / Сост., вступ. ст. Л.И. Журовой. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990.
 Зеленин 1991 — Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д.К. Зеленина. М., 1991.
 Курдин 2003 — Народная поэзия Арзамасского края. Сказки: В 2 кн. Кн. 1 / Сост. Ю.А. Курдин. Арзамас: АГПИ, 2002.
 Лутовинова 1997 — Фольклор Кемеровской области. Хрестоматия / Сост., вступ. ст. и примеч. Е.И. Лутовиновой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.
 Матвеева 1993 — Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / Сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. Новосибирск, 1993.
 Морохон 1993 — Волжские сказки / Сост. В.Н. Морохон, В.И. Вардугин. Саратов, 1993.
 Онегина 1986 — Сказки Заонежья / Сост. Н.Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.
 Ончуков 1998 — Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова: В 2 кн. СПб., 1998.
 Потявин 1960 — Народная поэзия Горьковской области. Вып. 1 / Сост. и ред. В.М. Потявин. Горький, 1960.
 Шуклина 1999 — Сказки / Сост. Т.А. Шуклина. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1999.

Литература

- Аникин 1984 — *Аникин В.П.* Русская народная сказка. М., 1984.
 Аникин 1996 — *Аникин В.П.* Теория фольклора: Курс лекций. М., 1996.
 Афанасьев 1994 — *Афанасьев А.Н.* Великаны и карлики // Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 636—784.
 Бахтина 1976 — *Бахтина В.А.* Об активности героя русской волшебной сказки // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1976. С. 23—27.
 Власова 1990 — *Власова Г.И.* Детская волшебная сказка в современных записях, тра-

диционная поэтика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Добровольская 2002 — *Добровольская В.Е.* Герой-ребенок в русских волшебных сказках // Традиционная культура. 2002. № 4 (8). С. 18—23.

Елеонская 1994 — *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. М., 1994.

Зуева 1993 — *Зуева Т.В.* Волшебная сказка. М., 1993.

Зеленин 1934 — *Зеленин Д.К.* Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности, 1882—1932: Сб. статей. Л., 1934. С. 215—240.

Лупанова 1979 — *Лупанова И.П.* «Смеховой мир» русской волшебной сказки // Русский фольклор. Т. 19. Л., 1979. С. 68—76.

Лутовинова 1994 — *Лутовинова Е.И.* Нравственный идеал русских волшебных сказок // Архетипы в фольклоре и литературе. Кемерово, 1994. С. 30—36.

Лутовинова 1998 — *Лутовинова Е.И.* Сюжетный состав и принципы систематизации волшебных сказок с героиней-женщиной. Кемерово, 1998.

Мелетинский 1958 — *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.

Никифоров 1928 — *Никифоров А.И.* К вопросу о морфологическом изучении сказки // Сб. в честь акад. А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 173—178.

Новик 1975 — *Новик Е.С.* Система персонажей в русской волшебной сказке // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 214—246.

Новиков 1974 — *Новиков Н.В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.

Пропп 1969 — *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л., 1969.

Пропп 1976 — *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Избр. статьи. Л., 1976.

Пропп 1984 — *Пропп В.Я.* Русская сказка. Л., 1984.

Пропп 1986 — *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки / Отв. ред. В.И. Еремينا, Н.М. Герасимова. Л., 1986.

Трубецкой 1995 — *Трубецкой Е.Н.* «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Трубецкой Е.Н. Избранное / Сост., послеслов. и коммент. В.В. Сапова. М., 1995. С. 386—430.

Тудоровская 1960 — *Тудоровская Е.А.* Некоторые черты доклассового мировоззрения в русской народной сказке // Русский фольклор. Т. 5. М.; Л., 1960. С. 102—126.

СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников и др. Л., 1979.

Фрейд 1998 — *Фрейд З.* Тотем и табу. СПб.; М., 1998.

Фрезер 1980 — *Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980.

Фрезер 1989 — *Фрезер Дж.Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1989.

Г.З. ИМАЕВА

(Уфа)

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ВАРИАНТЫ СКАЗОЧНОГО СЮЖЕТА АТ 1534 «ШЕМЯКИН СУД»

Сказки о судах принадлежат к числу наиболее распространенных в мировом фольклоре. Они имеются, по существу, у всех народов. С древнейших времен, задолго до того, как оформилось государство и появилось право, между людьми возникали спорные и конфликтные ситуации, требовавшие разрешения с помощью третейского суда.

Одним из наиболее распространенных сюжетов о судах является сказка типа АТ 1534, которая зафиксирована в «Указателе сказочных сюжетов» Аарне — Томпсона под названием «Шемякин суд». Впервые в печати сказка появилась в издании В.А. Левшина [Левшин 1780, 32—53] и была представлена одним русским вариантом. В XIX веке, насколько нам известно, было опубликовано на разных языках 33 варианта данной сказки (из них двенадцать русских, четыре украинские, четыре белорусские, три персидские, четыре индийские, две итальянские, три немецкие и две тюркоязычные версии). В XX веке число опубликованных вариантов увеличилось почти вдвое (53), прежде всего, благодаря большому интересу к устному творчеству народов СССР. Появились сборники сказочного эпоса таджиков, узбеков, казахов, азербайджанцев, ингушей, туркмен, абазинцев и т.д.

Содержание сказки напоминает повесть XVII века о «Шемякином суде». Фабула повести такова. Бедняк нечаянно отрывает хвост лошади, одолженной им у богатого брата, и тот ведет его к судье. Также нечаянно бедняк падает на ребенка и убивает его, а затем в отчаянии бросается с моста, падает на старика, в свою очередь убивая и того. Судья, приняв спрятанный бедняком-ответчиком за пазухой камень за припасенные для взятки деньги, выносит решение в его пользу. Все моменты развития действия повести и сказки совпадают. Такая точность, по-видимому, не является случайной, и за ней скрывается историческая связь между повестью и сказкой.